

Автомат как по мановению волшебной палочки взметнулся к плечу:

— Ни с места, а то башку отстрелю нахрен! — кричу и сама не верю своим словам.

Хоть один бы заваливающий патрончик в рожке, так ведь нет.

Мой оппонент замирает и поднимает руки вверх.

Хорошо. У меня есть время немного обдумать сложившуюся ситуацию. И картинка вырисовывается прескверная — все мои ребята лежат, прошитые вражескими пулями, рацию мы потеряли еще вначале боя, значит, вызвать подкрепление я не смогу. У меня ранена нога, причем, ранена, это сильно сказано — так, царапнула шальная пуля — но она кровоточит и болит. Вдобавок ко всему не осталось ни одного патрона, и в единственном более-менее пристойном укрытии, где я собиралась заняться своей ногой, я натыкаюсь на этого борова.

Честно говоря, от одного взгляда на него у меня сжимается все, что только может сжиматься — он минимум на две головы выше меня, хотя и я не маленькая, и раза в два шире.

Но у меня есть тактическое преимущество. Точнее, видимость преимущества — мой автомат. У него оружия нет вообще. И пока он считает, что у меня есть патроны, я могу выиграть немного времени и придумать способ уйти отсюда по добру по здорову.

Прижимаюсь щекой к стволу. Он еще горячий, не успел остыть после того, как я расстреляла все три рожка. От него масляно пахнет оружейной смазкой.

— Имя и звание, — коротко команду, пытаюсь рассмотреть его в полумраке.

Он молчит, но рук не опускает. Я не вижу его лицо — он стоит против света — зато я очень хорошо вижу его фигуру. По правде сказать, встретиться он мне в другом месте и в другое время, я бы не стала сопротивляться. Как раз как я люблю — высокий, крепкий, широкие плечи, узкие бедра. Одет в форменную майку в обтяжку и в форменные штаны, заправленные в высокие армейские ботинки. На фоне освещенного прямоугольника двери рельефно выделяются мышцы на его руках. Пожалуй, было бы очень приятно, если бы эти мускулистые руки обняли мои плечи...

От одной мысли об этом дуло автомата дрожит. Солдат не мог этого не заметить — я ведь у него вся как на ладони, еще и свет от дверного проема падает на мое лицо. Я чувствую, как краснеют щеки. Мой оппонент еле заметно меняет положение тела, но я вижу. Крепче сжимаю автомат и плотнее прижимаюсь к нему виском.

— Имя и звание! — повышаю голос, чтобы скрыть в нем дрожь. И сама удивляюсь — чего я дрожу? От страха? От холода? От слабости? Или, может, все-таки от чего-то другого?

Последняя догадка отзывается приятной тяжестью где-то внизу живота. На лбу выступают капельки пота. Между ног становится влажно. Какого черта? Почему в подобной ситуации, когда передо мной стоит здоровенный мужик, способный — я в этом не сомневаюсь — свернуть мне шею одной левой и готовый сделать это при первой же возможности, я теку, как мартовская кошка?

Щеки пылают, в голове гудит, губы пересохли, и я машинально провожу по ним языком. Мне показалось, или солдат снова пошевелился?

— Повторяю свой вопрос в последний раз, — хмурюсь и стараюсь придать своему лицу максимально грозное выражение, но с таким румянцем, да с такими мыслями в голове, выглядеть угрожающе никак не выходит. — Имя и звание.

— А что будет, если я не отвечу? — это еще что за выражение? Да он насмехается надо мной!

— Еще одно слово в подобном тоне, — щурюсь и понижаю голос почти до шипения, но в нем почему-то звучат совсем не угрожающие грудные нотки, — и я тебе башку прострелю...

ублюдок, — выплевываю в него первое пришедшее на ум оскорбление.

— А стрелять чем будешь? Глазками? — ну, все, шутник, ты меня достал... — У тебя патронов нет. Я видел, как ты расстреляла три полных рожка. И совершенно зря, кстати.

— Заткнись! — взвизгиваю, как капризная девчонка, и злюсь сама на себя за это. Видимо, эта злость отражается на моем лице, потому что солдат немного выравнивает спину и напрягает руки — я вижу, как надуваются его мышцы. — Я тебя и прикладом уебать могу так, что мало не покажется...

— Только ты же понимаешь, — с улыбкой говорит он, — что я тебя в бараний рог скручу раньше, чем ты сумеешь хорошенько замахнуться.

Черт, а ведь он прав! У него и руки подлиннее, и места для маневра больше...

— Давай сделаем вот что, — говорит он и опускает руки. — Ты сейчас ставишь свою железяку на пол, перестаешь на меня кричать, а я осматриваю твою ногу и перевязываю ее.

Мозгами-то я понимаю, что сейчас это самое разумное, но что-то глубоко внутри противится очевидности такого решения. Поставить автомат и лишиться такого мизерного преимущества? Пф, вот еще!

— Решайся, детка, — подбадривает он и шагает ко мне.

— Стоять! — выкрикиваю и машинально жму на спусковой крючок. И закрываю глаза.

Тихий щелчок, и в следующую секунду сильный рывок опрокидывает меня на стену за спиной. Падая, выпускаю автомат из рук. Лязг металла по бетону. Еще мгновение, и теплые заботливые руки уже скользят по моей раненой ноге, и что-то холодное и мокрое льется на мою царяпину.

Открываю один глаз и внимательно наблюдаю за его движениями.

— Меня зовут Ник, Ник Прайс, — говорит он, продолжая смывать запекшуюся кровь и грязь с моей ноги.

— Лора, — отвечаю глухо, потому что при виде того, как он щедро льет на мою рану воду, у меня пересыхает в горле.

— Очень приятно, Лора, — улыбается.

Теперь на фоне дверного проема я вижу не только его внушительные бицепсы, но и правильный профиль, волевой подбородок, чуть выступающие надбровные дуги, высокий лоб.

— Разведка? — спрашиваю.

Он молча кивает.

— А ты из десанта, да? — ухмыляется.

— Смешно, — тяжело вздыхаю.

Десант — моя голубая мечта. Форма не в пример нашей, операции — не в говне барахтаться, а чистенько спускаться на парашютике. Вот только смертность у них там выше, но и героев больше — медалями обвешивают всех, кто сумел вернуться.

Нет, мы пехота. Жизнь не сахар, зато — жизнь. Конечно, иногда нас бросают под танки, но увернуться от гусениц все же проще, чем от пули снайпера. Десант уничтожают точно, нас — всем скопом. Поэтому у десанта шансов куда меньше, чем у нас. Но в этот раз, в этой мясорубке, досталось и им, и нам. И в первую очередь нам — шквальный огонь, это вам не

танки...

Ник вдруг припадает к моей ноге губами. Я дергаюсь, но он не дает мне отстраниться. Какое странное и приятное чувство — прохладный влажный язык нежно слизывает остатки крови, а мягкие бархатистые губы массируют кожу вокруг раны. М-м-м...

— Ты такая горячая, — вдруг выдыхает он почти мне в ухо. Я вздрагиваю и отстраняюсь. — У тебя температуры нет? — и заботливо прикасается губами к моему лбу.

И я таю... В буквальном смысле расплываюсь по грязному полу и...

Его лицо напоминает божий лик в каком-то православном монастыре — оно сурово, хмуро, тревожно и обрамлено светящимся ореолом.

— Я вколол тебе жаропонижающее, — говорит он угрюмо. — Надо бы антибиотик, но у меня нет. Так что, как стемнеет, помогу тебе добраться до госпиталя... Ты как в следующий раз соберешься отъезжать, хоть предупреждай...

Улыбаюсь и киваю. Его лицо так близко. Прикрываю глаза. Так близко, что аж больно смотреть...

Хлесткий удар по щеке:

— Ты как? — он встряхивает меня за плечи.

И вот тут-то я не выдерживаю — вытягиваю руки, обнимаю его и тяну на себя.

Он смотрит на меня в недоумении. Вроде как напрягает плечи, а потом...

Я тону в его губах. Они такие сладкие, будто обмазаны медом. А язык — я всегда думала, что целоваться с языком это гадко. Но с ним мне не гадко — его язык мягкий и пупырчатый, а слюна совсем не отвратительная, даже очень вкусная. А еще его язык такой проворный — он уже заполнил весь мой рот и, кажется, останавливаться не намерен.

И руки — они уже во всю шарят по моему телу. Это немного щекотно, но очень приятно. И я прямо чувствую, как на моих форменных штанах расплзается пятно моих соков.

Его язык выскальзывает из моего рта, пробегает влажной дорожкой по подбородку и по шее к впадинке между ключиц, потом забирается под майку, пока руки воюют с армейским ремнем... Эх, салага, учись пока я жива! Одно движение — и тяжелый кожаный ремень уже лежит на полу под моей талией, а он с прежней настойчивостью расстегивает крючки на штанах. Сначала у меня, потом у себя.

Горячий, какой же он горячий... и сладкий — его язык возвращается в мой рот, вдоволь наигравшись с моей грудью...

* * *

Я девочка из приличной семьи. Точнее, из пуританской семьи. Точнее, из амишей. Мой отец сам лишил меня девственности. Зачем? Не знаю. Даже мама не ответила на этот вопрос. Но мне было так плохо, что она не могла это спокойно видеть, и, едва я сумела подняться на ноги, мы сбежали. Далеко нам, однако, убежать не удалось — шутка ли, еле ковыляющая девочка-подросток и хромая от рождения пожилая женщина пытаются сбежать от целой кавалькады молодчиков на здоровых и быстрых лошадях.

Мать тогда засекали до полусмерти, а меня приковали цепями к кровати, и каждый желающий мог прийти и заняться со мной любовью, как ему хотелось и когда ему хотелось.

Лучше бы и меня засекали.

Выпустили меня лишь две недели спустя. Я тогда с трудом передвигалась, почти не разговаривала и не мигала.

Но когда я пришла в чувство, я предприняла вторую попытку побега, на этот раз без мамы. И

эта попытка оказалась удачной.

Сначала я три месяца пряталась по подворотням, срезала волосы, чтобы никто меня не узнал, перевязывала грудь, носила найденные на свалке мужские вещи, мазала лицо сажей и грязью. А потом... на набережной я увидела военных и влюбилась в них. Мне так хотелось быть похожей на этих бравых красивых парней, ходить по плацу со сверкающим в солнечных лучах оружием, а потом вернуться в деревню и отбить маму.

Я маячила там целыми днями, и, наконец, их капитан меня заметил. Сначала он решил, что я парень и отвел меня в призывной пункт. Каково же было удивление медкомиссии, когда вместо болтающейся колбаски между ног, они увидели аккуратный подбритый персик.

— Куда ты хочешь пойти? — спросил, сально оглаживая взглядом мои бедра, глава комиссии.

— В десант, — ни секунды не сомневаясь, ответила я.

— Какой тебе десант, детка, — рассмеялся за моей спиной капитан. — Ко мне пойдешь, в пехоту...

Он был отличным капитаном, хорошим другом и внимательным любовником...

Но его больше нет.

* * *

Зато есть этот разведчик — сладкий, как мамин медовый пирог, упругий, как вымя призовой коровы, и горячий, как раскаленные угли. Он плавно ходит во мне взад-вперед, проникая глубоко и легко надавливая на что-то внутри, отчего по всему телу пробегают искорки электрического тока...

За стенкой, к которой он меня прижимает, что-то неравномерно бухает. () Взрывы — проносятся где-то на краю сознания. Но Ник ускоряется, будто вытесняя собой реальность, заполняя не только мое лоно, но и мозг. Его язык глубоко проникает в мой рот. Я пытаюсь кричать, но все без толку. Еще рывок... еще толчок... ах... не могу... Что-то сладкое разрывается у меня внутри с каким-то странным приглушенным звуком, похожим на выстрел, и мгновенно растекается по всему телу. Ник, обмякнув, грузно валится на меня. Тяжело дышу... У меня еще никогда такого не было...

Голоса... откуда? Говорят не по-английски. Судорожно натягиваю штаны на Ника. Придурок, что ж ты не выходишь? Голоса ближе... замираю... не дышу...

Резкий окрик совсем рядом... спокойно... нас нет... мы мертвы... Смешок и удаляющиеся шаги... затихают вдали...

— Ник, — шепчу ему прямо на ухо, — Ник, все, они ушли...

Он молчит.

— Ник, — тормошу его за плечи.

Ноль реакции.

С трудом выбираюсь из-под его мускулистого тела. И тут же закрываю рот обеими руками, чтобы криком не привлечь сюда тех ребят.

Прямо между его лопатками — аккуратная дырочка и большое пятно уже успевшей потемнеть крови